

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.37

*Д.Н. Боровинская*ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ
КАК ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Систематизированы концептуальные представления о человеке с позиции социальных изменений общества. Автор склонен утверждать, что наряду с такими сущностными характеристиками человека, как человек бунтующий, одинокий, замкнутый, нуждающийся, на первый план сегодня выходят также характеристики человека креативного, деятельного.

Ключевые слова: социальные изменения; модель человека; сущностные характеристики человека; «актор».

В науке широко используются модели, ориентированные на изучение и объяснение механизмов социальных явлений и процессов. Результатом обобщения противоречивого процесса взаимодействия человека и общества является модель человека, реально отображающая действительность и формируемая под влиянием происходящих изменений в сферах жизнедеятельности общества.

Что есть модель человека? Это условный образ человека, воспроизводящий его типичные черты. Моделирование позволяет раскрыть современное состояние отношений между обществом и человеком, измерить баланс между «я» и «мы», раскрыть особенности данного взаимодействия.

В качестве основных принципов построения моделей человека можно выделить единство гносеологических и аксиологических подходов; целостное, многоаспектное отображение человека в системе существующих моделей; соответствие моделей, формализованных в той или иной мере содержательным образом, отражающим особенности человека.

Цель нашего исследования состоит в обнаружении, анализе образов, моделей человека в структуре классических и современных социально-философских концепций.

Становление и развитие индустриальной цивилизации способствовало углублению анализа духовного начала в человеке, которое сводилось не только к рациональной, но и к иррациональной стороне. Отчасти это было обусловлено изменениями в духовной сфере, такими как возвышение науки, секуляризация общества, развитие массовой культуры, и в экономической – промышленной революцией, появлением монополий, становлением и развитием капитализма. Все это привело к технологическим и социальным базисным изменениям в обществе. В это время многие исследователи делают акцент на отчужденности, отстраненности человека от общества. Создаются теоретические модели человека, в которых рассматривается зависимость человека от обезличенных социальных сил.

«Бунтующий человек» А. Камю «хочет быть или «всем», целиком и полностью отождествляя себя с тем благом, которое он неожиданно осознал, и требуя, чтобы в его лице люди признавали и приветствовали это благо, или «ничем», т.е. оказаться побежденным превосходящей силой» [1. С. 9]. Человека поработает порядок, формируемый обществом, а он терпит угнетение только до того предела, какой устанавливается им самим. Причиной такого взаимодействия может послужить, по мне-

нию А. Камю, возросшая степень индивидуализма в человеке в переходный период развития общества.

Появление образа «Человека одинокого» широко рассматривается в социально-философском, культурологическом аспектах как зарубежными авторами (Д. Рисмен, Р. Мертон, Н. Глезер, Р. Денни), так и отечественными исследователями (Н.Е. Покровский, И.С. Кон и др.). Ряд авторов придерживается позиции, что генезис одиночества обусловлен, прежде всего, возникновением индустриального общества (И.С. Кон). Другая позиция определяет одиночество как временный и универсальный феномен общественного бытия (Э. Дюркгейм, Б. Миускович). Тогда как Н.Е. Покровский в своей работе «Универсум одиночества: социологические и психологические очерки» указывает на то, что «генетически оно возникло из всего предшествующего опыта человечества, как социального, так и культурного. Не будь веков этого опыта, в том числе по рефлексивному освоению одиночества, не могло бы сформироваться и модернистское видение этого феномена» [2. С. 66].

В центре внимания Г. Маркузе – состояние человека в индустриальном обществе. Результатом саморегулирования современной индустриальной цивилизации является, с одной стороны, репрессия, проявляющаяся в подавлении влечений и потребностей большинства, а с другой – переформирование стандартных, ложных потребностей индивида, обусловленных современным обществом. Так, человек теряет основу для развития автономии и способность противостоять обществу, рациональность и производительность руководят жизнью и смертью индивидов. «...Рациональное предпринимательство привело к созданию модели сознания и поведения, которые оправдывали и прощали даже те черты этого предпринимательства, которые в наибольшей степени способствуют разрушению и угнетению» [3. С. 408]. Так рождается «Одномерный человек» Г. Маркузе.

О зависимости человека от корпорации, противоречии социального и индивидуального в эпоху перемен повествует У.Х. Уайт в своей классической работе «Организационный человек». Главной особенностью организационного человека является то, что он испытывает давление от сообществ, которые принуждают его к социальной адаптации и конформизму. Если У.Х. Уайт делает акцент на усилении роли организационного общества, отчуждении, изоляции и конформизме, то Д. Джейкобс указывает на возможность альтернативы, т.е. наличие условий, в которых могут процве-

тать индивидуальные особенности, неконформизм и креативность.

По мнению ряда авторов, сегодняшняя эпоха именуется как премодерн, располагающийся в пространстве мифа, и все пространство премодерна определяется мифологическим или сакральным. «Человек премодерна вне сакральности, вне священности не воспринимает реальность, у него нет священной реальности, т.е. для него принципиально существует сакральность. Для человека модерна существует новая вещь – реальность. Да и термин этот – реальность – становится популярным в эпоху модерна» [4. С. 13]. И, по мнению А.Г. Дугина, реальность, являясь базовым понятием для человека модерна, преобразуется в виртуальность в эпоху постмодерна и представляет собой некий конструкт реальности, созданный искусственно и отвлеченно. Более того, если в модерне индивидуум был неделим, то сейчас возникнет новый образ, который можно назвать дивидуум, т.е. «Человек делимый». Это соответствует процессу дигитализации и обозначает, что человеческое единство, которое было сутью модерна, распадается на части.

В когнитивной психологии существует тип «Человека-компьютера». «Человек реактивный» представлен в поведенческой психологии через модель человека как стимульно-реактивной машины. А человек, реализующий себя, свой «индивидуальный проект», – в гуманистической психологии. Человек нуждающийся, так называемая модель «Человека-потребителя», обуреваемого своими потребностями, влечениями, инстинктами, представлен в мотивационных теориях, и в первую очередь, в психоанализе.

Образ «Человека потребляющего» Э. Фромма обусловлен воздействием на него технологического общества. Цель тотального потребителя – «больше иметь и больше использовать» [5. С. 67]. Основная проблема морали – это полное безразличие человека по отношению к самому себе. Основоположник «гуманистического анализа» утверждал: мы забыли то, что человек является существом неповторимым и уникальным; мы превратились в обыкновенное оружие внешних сил, которые диктуют нам свои условия; мы стали относиться к себе как к товару, а наши внутренние силы отчуждены от нас.

Изучение социальных процессов – принцип единства жизнедеятельности людей и содержания общественных отношений – лежит в основе марксистской теории. Определяющая роль в системе общечеловеческих отношений принадлежит экономическому базису, а сам человек является «Представителем класса». Изменение типа человека возможно только в коммунистической формации, где будет происходить «...подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку обществу, т.е. человеческому» [6. С. 588].

Х. Ортега-и-Гассет среди факторов, повлиявших в XIX в. на формирование «Человека массы», выделял либеральную демократию, экспериментальную науку и индустриализацию. Человек встал перед радикальным изменением своей судьбы. Возросло материальное благополучие, независимость, был создан совершенно новый фон, новое поприще для современного человека –

и физически, и социально. Х. Ортега-и-Гассет отмечал две основные черты в психологической диаграмме «Человека массы»: это безудержный рост жизненных вожделений, а тем самым личности, и принципиальную неблагодарность ко всему, что позволило так хорошо жить. «Человек массы – это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он точь-в-точь как все остальные, и при том несколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все» [7. С. 48]. Человек массы Х. Ортеги живет под грубым господством масс, которые пользуются всеми благами организации и считают ее естественной.

Н. Элиас подчеркивал, что «отдельный человек со всеми его психическими качествами формы, посредством которых он отличается от других людей, представляет собой замкнутый в себе космос, природу в себе, которая изначально не имеет ничего общего со всей остальной природой и особенно со всеми остальными людьми» [8. С. 92].

Несмотря на различие в обобщении, касающееся характеристик человека, все эти модели объединяет подчеркивание зависимости человека от общества, первичности общества при постоянном взаимодействии человека и общества. Преобладание этих концепций в социальных науках отражало действительное положение человека в его отношениях с обществом и природой – зависимость от них, отчуждение, объясняющееся недостаточным развитием экономики, социальных и научно-технических отношений.

Концепции взаимодействия человека и общества в социальных науках в настоящее время обуславливают существование образов человека, которые отражают противоречивость современного индивида, живущего в эпоху перемен и трансформаций, т.е. переходного общества. В подобных условиях актуальной становится проблема приспособления человека к изменившейся социальной среде, т.е. формирование «Человека приспособленного» Ю.А. Левады. Это период, когда практически все общественные слои и группы оказываются перед выбором вынужденного приспособления (адаптации). По мнению Ю.А. Левады, в отечественной истории такая ситуация складывалась трижды менее чем за последние полтора столетия: после реформ 60-х гг. XIX в., после 1917 г. и после 1991 г. Преимущественно приспособление достигалось в результате снижения уровня потребительских и ценностных требований, смены ролевых и инструментальных функций человека.

Наряду с «Человеком приспособленным» появляется и «Лукавый человек» Ю.А. Левады. Проблема данного образа человека состоит в принципиальной невыполнимости предъявляемых к человеку требований. «Невозможно было принимать повороты политической конъюнктуры за веления “истории”. Никому не удавалось «отдавать» все силы на выполнение пятилетнего плана» [9]. Всякое насилие порождало абсолютную готовность к лукавому приспособлению. Однако двоестроение в понимании этого типа заключается в том, что по мнению Ю.А. Левады, лукавый человек – на всех уровнях, во всех его ипостасях – не только терпит обман, но готов обманываться, более того – постоянно нуждается в самообмане для того же (в том числе психологического) самосо-

хранения, для преодоления собственной раздвоенности, для оправдания собственного лукавства.

В.Н. Шубкин, формируя образ «Катастрофического человека», в качестве основы происходящих изменений выделяет страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием катастрофой. «В обществе может возникать и в определенных условиях распространяться в широких масштабах особый тип мышления и сознания, который мы называем катастрофическим» [10].

Анализируя тенденции развития реального сознания и поведения, Ж.Т. Тощенко обращается к исследованию такого феномена, как «Парадоксальный человек» или «Человек-кентавр», т.е. ситуации, когда человек в одно и то же время искренне преследует взаимоисключающие цели, не замечая при этом парадоксальности своего сознания и поведения.

В бихевиористской модели человека подчеркиваются поведенческие черты, в психоаналитической области это особенности подсознания, и в когнитивистской это свойства рассудка и т.д. Примером могут послужить работы Мк. Дугала «Человек или робот», Д. Кюнкеля «Поведенческая модель человека: предположения и применение». В современном бихевиоризме человек воспринимается как динамично активный в своем отношении к изменениям окружающего мира. При этом наличие активности обусловлено соответствующими стимульными условиями. Д. Кюнкель указывает на то, что стимулы не только генерализуются, но и, будучи представленными в ситуации, могут сигнализировать о возможном проявлении определенной активности.

В эпоху перемен становятся актуальными концепции, которые подчеркивают определяющую роль человека в его взаимодействии с обществом. В свое время концепцию экономической динамики на основе теории циклов Н.Д. Кондратьева активно развивал Й. Шумпетер. Центральное место в процессе изменений внутри системы американский экономист отводил предпринимателю – «экономическому агенту», который, внедряя новшества в периоды спокойствия и равновесия, способствует развитию инновационной деятельности, а именно – замене старого новым или же усовершенствованным продуктом в процессе свободного творчества. При этом побудительным мотивом к поиску и внедрению новых комбинаций выступает прибыль.

Теория же социального изменения, или так называемая «равновесная парадигма» Т. Парсонса, строится на основе теории мыслительной модели структур общества и его изменения по принципу кибернетической иерархии различных систем – организмов и личностей как ступеней растущей степени сложности. Действительно глубокими изменениями являются, по Т. Парсонсу, те, что затрагивают культурную систему, экономические и политические перевороты, но не затрагивают уровень культуры в обществе, не меняют поэтому и самого общества в его основе.

Общество как социальная система обладает устойчивостью, способностью к самовоспроизводству, что находит проявление в стабильности его основных структурных элементов (адаптации). Если соотношение сил, элементов, поддерживающих равновесие, нарушается, но сама конфигурация общественной систе-

мы в целом, ее основные структурные элементы остаются неизменными, то утраченное равновесие быстро восстанавливается, т.е. изменения остаются внутренними, а система, интегрируя в себя новые образования, в целом остается неизменной. Общество не является застывшим образованием, а представляет собой постоянные изменения. Другой вид социального изменения – изменение структуры, когда система неспособна восстановить равновесие из-за сильного давления изнутри и извне. Для сохранения целостности социальной системы происходит модификация социальных подсистем и их структурных элементов (социальных ролей, институтов, организаций).

Более обобщенно социальное развитие общества Т. Парсонс сводит к четырем механизмам эволюции. Первый – это дифференциация, связанная с усложнением строения общества. Второй – адаптация (адаптивное возвышение), под которой понимается новый способ соотношения с окружающей средой (например, новая техника или новые способы коммуникации). Третий механизм предполагает увеличение объема членства в обществе. Прежние критерии членства в обществе (класс, пол, этническая принадлежность) теряют свое значение в эволюционирующем обществе. Четвертый – обобщение ценностей. В изменяющемся обществе ценности и нормы все в меньшей степени остаются приемлемыми для разных групп. В обществе все шире начинают распространяться представления об универсальных, независимых от типа социальной системы, человеческих правах и идеалах.

Ярко выраженными особенностями модернизационного направления являются: трансформация ментальных установок (так, комбинируя концепты инноваций и порядка, О'Коннелл определяет модернизацию как утверждение креативной рациональности); расширяющаяся автономия индивидуума в результате разрушения традиционных связей, рассматриваемая М. Вебером.

На смену классическим моделям со второй половины XX в. приходят постклассическая, постмодернистская, организационно-деятельностная и т.д. Суть нового понимания состоит в том, что социальные изменения рассматриваются не как естественно-исторический, но как социально-исторический процесс, в котором «социальный агент», или «актор», играет активную преобразующую роль. Этот подход представлен в работах А. Этциони, А. Турена, Э. Гидденса, П. Штомпки, М. Арчер, В.А. Ядова и др.

Новая парадигма опирается на отличное от классического представление. Две важнейшие составляющие радикально меняют взгляд на науку вообще и социологию в частности. Со второй половины XX в. все чаще признается влияние на итог научного знания метода, теории и, кроме того, активной позиции самого исследователя, его нравственной установки, его разума или предрассудков.

А. Этциони выдвинул оригинальную теорию «активного общества», названную позднее «теорией самонаправленности». Ключевым здесь является понятие «мобилизация», или «социальная активизация».

«Теория социальной направленности отличается от других теорий современной социальной науки тем, что рассматривает мобилизационные силы коллективов и обществ в качестве основного источника их собствен-

ных преобразований и трансформаций их отношений с другими социальными единицами. Когда социальная единица мобилизуется, она имеет тенденцию изменять свою собственную структуру и границы, а также структуру той более высокой единицы, членом которой она является» [11. С. 14].

Самым видным представителем теории действия является А. Турен. С того времени, как он вывел образ «самопроизводящего общества»², его основная работа приобрела ощутимый критический оттенок. Она была разработана в противовес теории структурализма. Общество и история создаются благодаря коллективным действиям, главными носителями которых, по А. Турену, являются социальные движения. Они трактуются как формы коллективной мобилизации, непосредственно разрушающие культурные основания общества. «Социальное движение – решающий агент истории, поскольку историческая реальность формируется посредством конфликтов, а также требований, выдвигаемых социальными движениями и придающих специфическую форму культурным ориентациям» [12. С. 78]. Отрицание эволюционизма и приписывание социальным движениям роли основных мобилизационных сил Турен связывал с возникновением «постиндустриального общества», в котором существенно увеличились способности к самостоятельности и расширился диапазон возможностей и вариантов выбора. Таким образом, эти общества являются продуктом своих собственных действий, а не частью процесса исторической эволюции.

Наиболее четко позицию «нежесткой социологии» в отношении социальных изменений представляет Э. Гидденс. Он полагает, что и сам исследователь должен быть достаточно гибок, непредвзят в отношении используемых теоретических подходов, и в изучаемой им реальности в качестве решающей признается роль социального субъекта (индивидов, общественных групп, движений). Социальный субъект своей активностью приспособливает общественные структуры к интересам общественных групп, находит компромиссы с другими социальными субъектами или вступает с ними в противоборство. Социальные изменения Э. Гидденс рассматривает как многофакторный процесс, на который влияют изменения и среды, и экономики, и культуры, и политических институтов. Делая ударение на постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный онтологический субстрат лежит в действиях и взаимодействиях субъектов – людей, он предложил преобразовать статическое понятие «структура» в динамическую категорию «структуриация», означающую описание коллективного поведения людей. По мнению Э. Гидденса, жизнь проходит в трансформации, а ее основное содержание есть постоянное производство и воспроизводство общества.

Конечным двигателем «структурирования» являются люди – деятели (или «агенты»), множество индивидов в их повседневном поведении. При этом «все социальные деятели знают очень много об условиях и последствиях того, что они делают в своей повседневной жизни» [13. С. 46]. Одной из черт людей-агентов является их материальная (телесная, биологическая) конституция и, следовательно, неизбежная подчиненность времени и пространству. При этом телесность человека

накладывает строгие ограничения на его способность к передвижению и восприятию.

Благодаря Э. Гидденсу деятельность окончательно признается как воплощение индивидуальных человеческих существ.

В качестве альтернативы классическим (модернистским) и постклассическим (постмодернистским) концепциям социальных изменений выступают, с одной стороны, концепция множественного модерна (multiple modernity) Ш. Эйзенштадта³, развивающая в социологии идеи цивилизованного подхода, и с другой – концепция институциональных матриц С.Г. Кирдиной⁴.

Главным отличительным свойством теории институциональных матриц является рассмотрение общества как целостного, системного объекта, в котором экономические отношения являются элементом общественной системы. Общество и образующие его виды деятельности рассматриваются как живая, филогенетически развивающаяся система, приспособляющаяся к внешним условиям. Выявление обеспечивающих это развитие структур, т.е. институтов, и составляет задачу институционального анализа.

С.Г. Кирдина обращает внимание на то, что, возникнув, общество начинает жить по собственным законам. Поэтому имеет место абстрагирование от присущего обществу свойства, изучаемого во множестве других работ во все времена и во всех странах, – свойства нести на себе отпечаток характеристик индивидов, его образующих. «Человек может стремиться познать закономерности порядка вещей и действовать в соответствии с ними, как, например, он действует с пониманием того, что объективно существует сила тяжести, с которой нельзя не считаться. Но, в конечном счете, действия социальных субъектов ограничиваются, определяются этими законами, которые люди не в состоянии отменить ни в ходе реформ, ни в ходе революций. Таким образом, подход институциональных матриц продолжает известные традиции исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей. Такой подход реализует также известную идею отчуждения человека от созданных им самим сущностей, которые противостоят ему как внешние, самостоятельные, что позволяет проводить научный анализ этих сущностей, прежде всего, общества и его основных подсистем» [14].

Придерживаясь пессимистической позиции относительно развития личности в результате происходящих изменений в обществе, В.А. Кутырев отмечает, что человек как личность превращается в «актера» – агента деятельности, с вычеркнутой за ненужностью духовностью. Сохраняя важнейшие сущностные черты человека, такие как субъективность, самостоятельность и активность, «актер» является существом, действия которого выполняются механически, он действует все считая и продавая. Дальнейшая деградация личности идет по пути превращения «актера – еще субъекта человеческой деятельности» в «человеческий фактор», придаток информационной техники. В результате более глубоких изменений общества человек теряет самостоятельность, сливается с технической системой, к которой

переходит инициатива, и возникает рационализированный техногенный человек.

Результатом сегодняшнего взаимодействия человека и общества явилась комплексная модель «постчеловека», широко обсуждаемая в науке. Мнения ряда исследователей по данному вопросу сходятся в том, что для человека, подверженного давлению постиндустриального общества, решающее значение будет иметь «мера его автономности, способности самостоятельно, без внешней поддержки не просто противостоять соблазнам глобализации, а использовать их в своих интересах, подчинять себе» [15. С. 283].

Многими авторами преимущественно рассматриваются негативные тенденции в развитии современного человека. Примером могут послужить концептуальные исследования С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», Ф. Фукуямы «Великий разрыв», Ж. Липовецки «Эра пустоты» и др.

Человек современного мира – это противоречивый человек, отчужденный от общества и природы, зачастую одинокий в своих духовных исканиях. В то же время можно говорить о становлении нового человека, более активного, деятельного и информативного, что нашло отражение в появлении новых моделей человека – «Человека деятельного», «Человека-актора».

Наблюдаются переход к ценностям «самовыражения», забота о духовной составляющей нового человека, терпимость и открытость людей во взглядах и, что самое важное, необходимость развития креативного мышления людей современного общества. Данный тип мышления имеет свою специфику, что выражается в умении мыслить самостоятельно, и ценностные ориен-

тиры человека с таким мышлением направлены, в первую очередь, на индивидуальность, разнообразие и открытость. Было бы неверно утверждать, что сложившиеся принципы современного общества низводят человека до положения придатка машины, подчиняя его ее ритму. Существующий процесс превращения большей части общества в Homo consumens (человека потребляющего), в тотального потребителя, единственная цель которого – больше иметь и больше использовать, заставляет формироваться и антагонистическую составляющую в человеке. Это нельзя назвать полным отрицанием складывающихся дегуманистических начал, скорее это стремление к разумному потреблению, которое служит здоровью и благосостоянию каждого человека. Заинтересованность в активной деятельности на благо других людей и вовлечение в нее – один из путей к формированию здорового общества и человека в нем.

Современный человек приоритеты отводит потреблению вещественному (консьюмеризм), насильно навязанному обществом, и, в то же время, поддерживаемому им самим. Наряду с этим возросла и значимость духовных потребностей человека.

Мотивационная сфера человека определяется актуальным пространством исторической действительности. Помимо односторонности, которая широко представлена в образах, моделях человека многими исследователями, она может существовать и как многосторонняя, включающая широкий круг отношений с обществом, отражая несовпадение и единство этих отношений.

Появлению новых моделей человека способствуют изменения в экономической, социальной и духовной жизни, происходящие в современном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. N.Y., 1961.

² Touraine A. The Self-production of Society. Chicago: University of Chicago Press, 1977.

³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование в обществе / Пер. с англ. А.В. Гордона. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 213.

⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2000. 2-е изд., перераб. и доп. 2001. Режим доступа: <http://kirdina.ru/main.shtml>, свободный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камю А. Бунтующий человек / Пер. с фр.; Общ. ред., сост., предисл. и прим. А. Руткевича. М., 1999.
2. Покровский Н.Е. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки / Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко. М.: Университетская книга; Логос, 2008. 424 с.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ.; Послесл., прим. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2003. 526 с.
4. Дугин А.Г. Человек в мире постмодерна: постгуманизм // Модели человека в современной философии и психологии: Сб. материалов Всерос. конф. / Отв. за выпуск П.А. Носова. Новосибирск, 2006.
5. Фромм Э. Душа человека: Сб. / Пер. с англ. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 572 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Пер. с исп. М.: АСТ, 2008. 347 с.
8. Элиас Н. Общество индивидов: Пер. с нем. М.: Практика, 2001. 336 с.
9. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/soc_levada/soc_levada_2.htm#27, свободный.
10. Шубкин В.Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова; Московский общественный научный фонд; Институт социологии РАН; Университет штата Мичиган. М., 1999. Сер. «Научные доклады». № 96. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/138052.html>, свободный.
11. Etzioni A. The Active Society: a Theory of social and Political Processes. N.Y.: Free Press, 1968.
12. Touraine A. Social movements and social change // Touraine A. The Challenge of Social Change. London, 1985. P. 77–92.
13. Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
14. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма). Режим доступа: <http://kirdina.ru/main.shtml>, свободный.
15. Чеснокова Т.Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. М.: Алгоритм, 2008. 368 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 марта 2010 г.